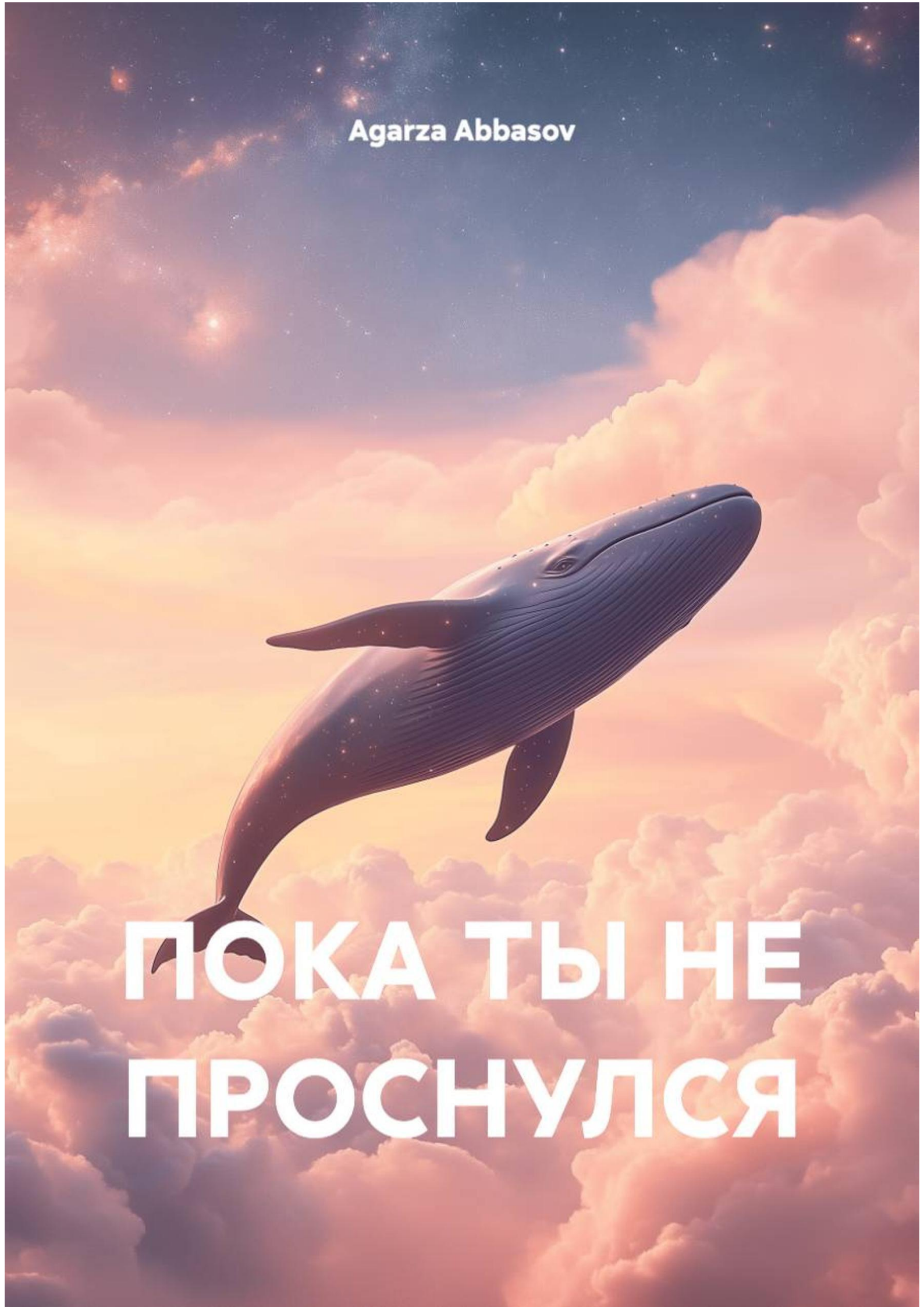
Agarza Abbasov

ПОКА ТЫ НЕ ПРОСНУЛСЯ

Agarza Abbasov

ПОКА ТЫ НЕ ПРОСНУЛСЯ

«Автор»
2026

Abbasov A.

ПОКА ТЫ НЕ ПРОСНУЛСЯ / A. Abbasov — «Автор», 2026

Илану тридцать. У него есть работа, планы и большие мечты, но почти всё важное он откладывает на потом. Он ждёт подходящего момента, большей уверенности и времени, когда наконец сможет начать жить по-настоящему.Однажды Илан отправляется в путешествие, надеясь найти ответы на вопросы о смысле жизни, предназначении, успехе и счастье. На его пути встречаются люди с разными судьбами, потерями и мечтами. Их истории постепенно меняют его взгляд на мир и на самого себя.Но что, если смысл жизни нельзя найти в одной точке? Что, если он скрывается в наших решениях, поступках, отношениях и в каждом прожитом дне?**«Пока ты не проснулся»** — философская притча о времени, вере, ответственности и главном путешествии, которое каждому однажды предстоит совершить, — путешествии к самому себе.

© Abbasov A., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Жизнь, которую он откладывал 6
Глава 1. Обычное утро 6
Глава 2. Когда-нибудь 11
Глава 3. Старик на вокзале 16
Глава 4. Первый билет 22
Часть II. Люди, которых мы встречаем 26
Глава 5. Город, в котором все спешат 26
Глава 6. Чужая жизнь 31
Глава 7. Дорога в горы 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Agarza Abbasov
ПОКА ТЫ НЕ ПРОСНУЛСЯ

Пока ты не проснулся
Agarza Abbasov

Часть I. Жизнь, которую он откладывал

Глава 1. Обычное утро

Будильник прозвенел в семь, как звенел вчера и как будет звенеть завтра, словно маленький часовой, который сторожит не утро, а привычку.

Я открыл глаза и долго смотрел в потолок, пытаясь вспомнить, какой сегодня день. За окном висел серый, ещё не решившийся рассвет. Свет едва просачивался сквозь шторы, а в комнате стояла та особенная тишина, что бывает только ранним утром: город ещё спит, и кажется, будто мир на минуту задержал дыхание, ожидая, что ты скажешь ему первым.

Я сказал ему: «Ещё пять минут».

Мысль была такой старой и привычной, что я даже не услышал её. Она прошла сквозь меня, как ветер сквозь открытую дверь. Я положил телефон на подушку и закрыл глаза.

Когда я снова взглянул на экран, было семь двадцать.

— Чёрт…

Я сел на кровати так резко, будто эти восемнадцать минут могли переломить ход всего дня. Но ничего не случилось. Я просто немного опоздал к собственному утру. Как опаздывал к нему уже много лет, сам того не замечая.

Первым делом рука потянулась к сообщениям. Рабочие уведомления, два письма, новости, чужие фотографии. Кто-то смотрел на море, кто-то стоял у новой машины, кто-то поднимал бокал в ресторане. Один знакомый недавно уехал в другую страну и, судя по снимкам, уже успел начать совсем другую жизнь.

Я задержался на его фотографии. Окно с видом на незнакомые крыши, чашка кофе, утро, которое пахло, наверное, чем-то новым.

«Неплохо устроился», — подумал я. И пролистал дальше, как перелистывают страницу, к которой не хочется возвращаться.

На экране всплыло напоминание: *Позвонить по поводу курса.*

Я помнил его. Оно жило в моём телефоне с прошлой недели. Сначала я перенёс его на понедельник. В понедельник оказалось много работы. Потом пришла среда, за ней пятница. Каждый день вежливо уступал место следующему, и напоминание кочевало из одного дня в другой, как путник, которого нигде не пускают на ночлег.

Сегодня снова было можно.

Я смахнул его пальцем, даже не открыв.

На кухне я поставил чайник. Пока вода набиралась шёпотом, а потом закипала глухим, нарастающим гулом, я открыл заметки.

Там жили мои списки.

Я любил списки. Они дарили обманчивое чувство, что у всего есть своё место, что жизнь можно разложить по полкам, как вещи в шкафу, и однажды навести в ней окончательный порядок. В одном списке были рабочие задачи. В другом — личные цели. В третьем — книги, которые нужно прочитать, места, которые хотелось увидеть, идеи, которые когда-нибудь обязательно станут делом.

Некоторые пункты были отмечены галочками. Большинство — нет.

Я пролистал личные цели. Начать заниматься спортом. Улучшить английский. Прочитать несколько книг. Освоить новое направление. Съездить в горы. Больше времени проводить с семьёй.

На последнем пункте палец остановился сам.

Больше времени проводить с семьёй.

Я не помнил, когда написал это. Наверное, в один из тех вечеров, когда усталость вдруг становилась честной и шептала, что я слишком много отдаю работе и слишком мало — тем, кто меня ждёт. Такие вечера приходят редко, и мы спешим записать их голос, чтобы потом не слушать его вовсе.

Кофе был готов. Я сделал глоток и поморщился: слишком горячий. Всё, что я хотел от жизни, тоже почему-то всегда было то слишком горячим, то уже остывшим.

Телефон дрогнул в руке. Брат.

— Ты сегодня вечером занят?

— Пока не знаю. А что?

Ответ пришёл почти сразу, словно он держал его наготове:

— Да ничего. Хотел кое-что обсудить.

«Хорошо, позже созвонимся», — написал я и отправил, не задумавшись, что «позже» — самое просторное слово на свете. В нём помещается всё, что мы так и не сделали.

Я посмотрел на часы. Пора было выходить. Чашка осталась на столе, полная наполовину, как многое в моей жизни.

* * *

Город уже жил своей обычной жизнью.

На перекрёстке выстроилась вереница машин. Водители сигналили, будто звук мог растворить пробку. На остановке люди стояли, склонив головы над телефонами, похожие на тихих молящихся у маленьких светящихся алтарей. Кто-то пил кофе на ходу, кто-то разговаривал по громкой связи, кто-то смотрел в одну точку, ещё не до конца вернувшись из сна.

Я тоже не был разговорчив по утрам.

В дороге я включил музыку, потом сменил её на подкаст. Через несколько минут подкаст наскучил. Я открыл новости, прочитал заголовок, затем ещё один, проверил почту. Я наполнял дорогу звуками и словами, будто боялся остаться в ней наедине с собой.

Когда я поднял глаза, дорога закончилась. Я не заметил, как она прошла. Так проходит и жизнь, если всё время смотреть в экран, а не в окно.

В офисе всё было знакомым до последней мелочи: те же лица, те же разговоры, тот же сухой дождь клавиатур и уведомлений. Я поздоровался, поставил вещи и открыл компьютер.

Работы хватало. Первую задачу я решил быстрее, чем ожидал. Вторая потребовала нескольких звонков. Третья оказалась упрямой: в документах пряталась ошибка, которую нужно было найти до вечера.

Я погрузился в цифры, как ныряльщик погружается в воду: целиком, не слыша больше ничего наверху.

Коллега тронул меня за плечо.

— Слушай, можешь посмотреть? У меня цифры не сходятся.

— Покажи.

Мы склонились над его таблицей. Через несколько минут ошибка нашлась. Она сидела в одной формуле, маленькая и незаметная, как камешек в ботинке, из-за которого хромает весь путь.

— Вот, смотри. Ты берёшь не тот диапазон.

Он всмотрелся и выдохнул.

— Точно. Спасибо. Я уже думал, что придётся всё переделывать.

— Не за что.

Ближе к обеду у моего стола остановился руководитель.

— Хорошо разобрался с утренней задачей. Спасибо.

— Рад помочь.

Он кивнул и пошёл дальше. Я посмотрел на список задач: несколько пунктов уже были отмечены. На мгновение внутри стало тепло. Я умел работать. Умел распутывать сложное и не

боялся ответственности. Мне нравилось знать, что на меня можно опереться, как на крепкую стену.

Но стена не задаётся вопросом, нравится ли ей быть стеной. Через несколько секунд я уже открывал следующий файл.

* * *

— Ты вообще собираешься отдыхать в этом году? — спросил коллега за обедом.

Мы сидели в маленьком кафе за углом. Пахло жареным луком и свежим хлебом. Он отложил вилку и посмотрел на меня так, будто вопрос был не о календаре.

— Конечно.

— Когда?

— Пока не знаю. Сначала нужно закончить несколько дел.

Он усмехнулся.

— У тебя всегда сначала нужно закончить несколько дел.

— Потому что они почему-то не заканчиваются.

Мы рассмеялись, но в его смехе было что-то, от чего мой собственный смех прозвучал чуть громче, чем нужно.

— А если серьёзно? Ты всё время говоришь, что хочешь куда-нибудь уехать.

— Хочу.

— Ну так езжай.

Я пожал плечами.

— Всё не так просто.

— А что сложного?

Я задумался. У меня был готов целый караван причин: работа, деньги, обязательства, планы, сроки. Они всегда шли впереди меня, нагруженные важностью, и я покорно брёл за ними, не спрашивая, куда они меня ведут.

— Сейчас просто не самое подходящее время.

Коллега ничего не ответил и вернулся к еде. Но слова «не самое подходящее время» не ушли. Они сели рядом со мной за стол и остались, как незваный гость, который знает о тебе больше, чем ты сам.

После обеда я задержался у витрины соседнего магазина. Мимо текли люди: кто-то смеялся, кто-то торопился, прижимая к груди пакет, кто-то говорил по телефону так громко, будто хотел, чтобы его услышал весь мир.

Я открыл социальную сеть. Знакомый купил квартиру и стоял у окна с видом на город, а под фотографией росли поздравления, как цветы у порога.

Я смотрел дольше, чем следовало.

Нет, это была не зависть. По крайней мере, мне не хотелось называть это так. Я был рад за него. Просто чужая радость иногда становится зеркалом, в котором вдруг видишь собственное лицо. И думаешь о том, сколько всего хотел сделать. О том, сколько времени уже утекло. О том, где мог бы стоять сейчас, если бы когда-то выбрал другую дорогу.

Я заблокировал телефон, будто захлопнул окно, и вернулся в офис.

* * *

День закончился позже, чем я рассчитывал.

По пути домой я зашёл в магазин, купил несколько продуктов и поднялся в квартиру. Дома было тихо — той тишиной, которая не отдыхает, а ждёт.

Жена в тот вечер задерживалась: в последние месяцы у неё было много заказов, и она часто возвращалась позже меня. Только наш пёс встретил меня в прихожей, ткнулся мокрым носом в ладонь и ушёл обратно на диван, будто убедился, что я — это действительно я. Мы жили под одной крышей, делили один стол и одну кровать, но иногда мне казалось, что видимся

мы урывками, как пассажиры соседних поездов, которые на минуту оказались на одной станции.

Я переоделся, умылся, поставил ужин на стол и съел его, почти не чувствуя вкуса. Еда, как и день, прошла сквозь меня, не оставив следа.

По вечерам я старался уделять время своим планам. По крайней мере, так я себе говорил.

Я открыл ноутбук и нашёл сохранённую страницу курса. Материал выглядел интересным. Я даже представил, как через несколько месяцев новые знания пригодятся мне в работе или в собственном деле. Это видение было тёплым и почти осязаемым, как свет в окне чужого дома.

Внизу ждала кнопка регистрации. Я посмотрел стоимость. Открыл другую вкладку, чтобы сравнить. Затем ещё одну.

Через двадцать минут передо мной было семь вкладок, несколько сохранённых ссылок и вполне ясное понимание, какой курс лучше.

Я ничего не купил.

Вместо этого я записал в заметках: *На этой неделе определиться с обучением.*

Фраза выглядела разумно. Разумность — лучшая одежда для нерешительности. В ней нерешительность кажется почти мудростью.

Я закрыл ноутбук. Было поздно, а завтра предстоял новый рабочий день.

Телефон снова ожил. Брат прислал фотографию: старый рюкзак, потёртый, с выгоревшими лямками. С ним мы когда-то уезжали в дорогу.

— Помнишь?

Я улыбнулся. Конечно, помнил.

Мы уехали тогда почти без подготовки: немного вещей, билеты, купленные в последний момент, и ветер в голове. Я не помнил маршрута, не помнил даже, сколько дней мы были в пути. Зато помнил, как мы хохотали над какой-то глупостью на вокзале, как заблудились в незнакомом месте и как долго потом пересказывали друг другу ту поездку, будто это была легенда, а мы — её герои.

Я начал печатать: *Да, конечно. Надо будет повторить.*

Остановился. Посмотрел на слова. Они были искренними и пустыми одновременно, как красивый сосуд без воды.

И всё-таки отправил.

— Было бы неплохо, — ответил брат.

Я положил телефон экраном вниз.

* * *

Сон долго не приходил.

В комнате было темно. Только уличный фонарь оставлял на стене бледное пятно, похожее на окно в какой-то другой мир, куда нельзя войти.

Я лежал на спине и перебирал день, как перебирают чётки. Ничего плохого не случилось. Я выполнил работу, поговорил с коллегами, поужинал, немного занялся своими делами. Обычный день. Один из многих, похожих друг на друга, как бусины на нитке.

И всё же меня не отпускало странное чувство.

Будто я всё время куда-то собираюсь. Собираюсь учиться. Собираюсь больше зарабатывать. Собираюсь заняться здоровьем, путешествовать, чаще бывать с близкими. Я не отказывался ни от чего. Я правда хотел всего этого.

Но между желанием и действием всегда лежало расстояние. Небольшое, почти незаметное — как узкая река, через которую можно перешагнуть. Только я почему-то годами стоял на её берегу и ждал моста.

Иногда мне казалось, что нужно чуть больше времени. Иногда — что сначала надо разобраться с деньгами. Иногда — что стоит переждать очередной трудный период. И каждый раз это звучало убедительно. Самые прочные клетки мы строим из убедительных причин.

Я повернулся на бок и взял телефон. 23:47.

Открыл календарь. Ближайшие дни были расписаны. Следующая неделя тоже. Я пролистал ещё дальше — и там нашлись дела. Время впереди было занято задолго до того, как я успел им распорядиться.

Я усмехнулся и положил телефон обратно.

«Ничего. Завтра будет новый день».

Эту фразу я слышал от себя много раз. Она всегда успокаивала, как колыбельная, которую поёшь сам себе, чтобы не услышать, как тикают часы.

Я закрыл глаза.

За окном продолжал жить город. Кто-то возвращался домой, кто-то заступал на ночную смену, кто-то только что сошёл с поезда в незнакомом месте. А кто-то, может быть, этой ночью впервые за долгие годы решился на то, что так долго откладывал.

Я этого не знал.

Я просто засыпал, уверенный, что завтра у меня снова будет возможность всё изменить.

И ни на мгновение не сомневался, что завтра будет лучше.

Глава 2. Когда-нибудь

На следующее утро я проснулся раньше будильника.

За окном шёл дождь. Капли стекали по стеклу неровными дорожками, словно кто-то невидимый пытался написать на нём письмо и всё не мог подобрать слов. Я лежал и слушал, как вода стучит по подоконнику: тихо, настойчиво, без спешки. Дождь никогда не торопится. Он просто идёт.

6:38. До будильника оставалось двадцать минут.

Рука потянулась к телефону и замерла на полпути. Я вспомнил вчерашний вечер: список задач, открытые вкладки, фотографию старого рюкзака.

Помнишь?

Иногда хватает одного снимка, чтобы вспомнить не только место, но и того, кем ты был, когда стоял там. Мы тогда почти ничего не планировали. Нам достаточно было знать, куда примерно хочется попасть. Утром мы выходили из дома, а к вечеру оказывались в совсем другом месте, и нас мало заботило, где мы будем обедать и когда вернёмся. Дорога тогда сама знала, куда нас вести.

Теперь я предпочитал знать всё заранее. Сколько займёт путь. Сколько понадобится денег. Где остановиться. Что делать, если что-то пойдёт не так.

Возможно, это и называют взрослением: когда карта становится важнее дороги.

В семь прозвенел будильник. На этот раз я встал сразу.

* * *

Весь день меня не отпускало вчерашнее «было бы неплохо». За этими тремя словами пряталось продолжение разговора, как за закрытой дверью прячется комната, в которую давно никто не входил.

После обеда я написал брату:

— Ты хотел что-то обсудить?

Ответ пришёл не сразу.

— Да. Ты сегодня сможешь заехать?

Я заглянул в календарь. Вечерняя задача могла подождать до ночи.

— Постараюсь. После семи.

— Хорошо.

В семь двадцать я вышел из офиса. Дождь закончился, но асфальт ещё блестел, как тёмное зеркало, в котором отражались фонари. Пахло сыростью и бензином. По дороге я купил воду и что-то к чаю, словно в гости к брату нельзя было прийти с пустыми руками, хотя по-настоящему пустыми были вовсе не руки.

Он ждал меня у подъезда.

— Долго добирался?

— Пробки.

— Как обычно.

Он забрал пакет, и мы поднялись наверх.

* * *

На кухне было тепло. Брат поставил чайник, достал две чашки, высыпал на тарелку печенье. В квартире почти ничего не изменилось. Вещи стояли на своих местах, будто терпеливо ждали, когда время снова о них вспомнит.

На холодильнике висела старая фотография: мы двое у какой-то станции. Я в тёмной куртке, он в светлой толстовке. Оба щуримся от солнца и улыбаемся так, как улыбаются только люди, которым некуда спешить.

— Ты всё ещё собираешься в поездку? — спросил он.

— Какую?

— Нашу.

— А, эту. Конечно.

— Когда?

Я взял чашку, будто она могла ответить за меня.

— Надо посмотреть. Сейчас много работы.

Он кивнул. Так кивают, когда слышат ответ, который знали заранее.

— Ты говорил это весной.

— Весной правда было много дел.

— Летом тоже.

— Летом были другие обстоятельства.

Брат откинулся на спинку стула.

— Осенью?

— Посмотрим.

Он промолчал. Чайник за его спиной остывал с тихим потрескиванием, будто тоже вздыхал.

— Ты чего? — спросил я. — Что-то случилось?

— Нет. Просто хотел понять, собираемся мы куда-нибудь или нет.

— Соберёмся. Я же сказал.

— Ты всегда говоришь, что соберёмся.

В его голосе не было злости. Только усталость, тихая, как пыль на подоконнике. И именно она задела меня сильнее, чем задел бы любой спор. Со злостью можно бороться. С усталостью близкого человека бороться нечем.

— А что ты хочешь услышать? Я не могу просто всё бросить и уехать.

— Я не прошу тебя всё бросать.

— Тогда в чём проблема?

Он помолчал.

— Проблема в том, что мы уже несколько лет говорим об одной и той же поездке.

Я поставил чашку на стол чуть громче, чем хотел.

— Ну и что? Поедем, когда будет возможность.

Брат поднял на меня глаза.

— А когда именно наступит это «когда-нибудь»?

Я не ответил. Вопрос повис между нами, как лампа над столом, и в его свете вдруг стало видно то, что я годами держал в тени.

— Я не говорю, что мы должны уехать завтра, — продолжил он. — Но ты каждый раз говоришь, что сначала нужно закончить работу, потом разобраться с деньгами, потом дождаться подходящего момента. Я просто хочу понять, существует ли вообще этот момент.

Я почувствовал, как внутри поднимается привычная стена.

— Думаешь, мне легко? У меня обязательства. Работа, расходы, планы. Я не могу жить так, будто у меня нет проблем.

— Я этого не говорил.

— Но звучит именно так.

Брат опустил взгляд в чашку.

— Я просто скучаю по тому времени.

Он сказал это тише всего остального. Так говорят правду, которую долго носили в кармане и наконец решились достать. Я хотел ответить, но все слова, что приходили на ум, были из тех, которыми защищаются, а защищаться было больше не от чего.

Он открыл галерею и протянул мне телефон. Ещё одна фотография: придорожное кафе, я с двумя бутылками воды в руках, он смеётся, на заднем плане старая машина, покрытая дорожной пылью.

— Помнишь, как мы тогда заблудились?

— Конечно. Ты сказал, что знаешь короткую дорогу.

— Я правда думал, что знаю.

— Мы потом ещё два часа выбирались.

— Зато нашли это кафе.

Я рассмеялся.

— И ты заказал что-то совершенно несъедобное.

— Нормальное было блюдо.

— Ты сам его не доел.

— Потому что ты всё время смеялся.

Мы оба улыбнулись, и на несколько мгновений кухня стала теплее, будто в неё ненадолго заглянуло то самое солнце со старой фотографии.

Потом брат забрал телефон.

— Вот об этом я и говорю. Мы тогда просто поехали. Не было идеальных условий, не было особого повода. Просто решили и поехали.

— Мы были моложе.

— И что?

— Тогда всё было проще.

— Может быть. А может, мы просто меньше думали.

Я хотел возразить. Но иногда самое честное, что можно сделать с возражением, — оставить его при себе.

* * *

Мы ещё поговорили о работе, о знакомых, о простых вещах. У брата хватало своих забот, и я понимал, что он не сидит без дела, дожидаясь, пока в моём расписании появится для него место. Он просто однажды перестал ждать молча.

У двери, надевая куртку, я сказал:

— Слушай. Я правда хочу поехать. Не думай, что мне неинтересно.

— Я знаю.

— Просто нужно немного времени.

Он кивнул.

— Хорошо.

Но это «хорошо» не было согласием. Оно было похоже на дверь, которую закрывают аккуратно, чтобы не хлопнуть.

В машине я долго не трогался с места. Двигатель тихо урчал, по стеклу ползли последние капли.

А когда именно наступит это «когда-нибудь»?

Я открыл календарь. Следующая неделя была заполнена. За ней ещё одна. Дальше тянулись встречи, платежи, дела, которые я давно обещал закончить. Я нашёл несколько свободных дней. Потом вспомнил о задаче к концу месяца и закрыл календарь.

Не сейчас.

Эти два слова я произносил так часто, что они стёрлись, как ступени старой лестницы. По ним уже не замечаешь, как спускаешься.

* * *

Дома я никак не мог сосредоточиться. Проверил почту, ответил на пару сообщений, закрыл рабочие окна и вернулся к списку личных целей. Прокрутил вниз и нашёл старую заметку:

В этом году обязательно:

— Съездить в несколько новых мест.

— Прочитать двенадцать книг.

— Начать заниматься спортом.

— Изучить новое направление.

— Больше времени проводить с близкими.

— Перестать откладывать важные вещи.

Я перечитал последнюю строку. Потом посмотрел на дату. Заметке был почти год.

Выходило странно. Я составил план, чтобы перестать откладывать жизнь, а потом отложил сам план. Как человек, который пишет себе письмо с просьбой проснуться и кладёт его под подушку.

Я усмехнулся. Улыбка исчезла быстрее, чем появилась.

Вспомнились другие обещания. Матери — приехать на выходные. Старому знакомому — наконец встретиться. Себе — съездить в горы. Ничего страшного не случилось. Никто не пострадал от того, что я не приехал. Мир не остановился.

Но постепенно мои обещания превратились в вежливые предположения.

«Обязательно».

«Скоро».

«На следующей неделе».

«Как только освобожусь».

Я произносил эти слова легко и порой сам в них верил. Только за ними почти никогда не шло действие. Они были похожи на семена, которые я годами носил в кармане, ни разу не опустив в землю.

* * *

Позже я вышел на балкон. Внизу шуршали машины, в соседних окнах горел свет, где-то за стеной громко бормотал телевизор. Город жил, не замечая меня.

Я опёрся на перила и вспомнил, как в детстве представлял себе взрослую жизнь. Взрослые казались мне людьми, которые всё знают. Они принимают решения, покупают дома, путешествуют. Они не спрашивают разрешения и не боятся будущего.

Теперь я был взрослым. У меня были работа, счета, документы, планы и тысяча причин быть занятым. И всё же иногда я чувствовал себя так, словно только готовлюсь к настоящей жизни. Как актёр, который годами репетирует за кулисами и никак не решается выйти на сцену.

Будто однажды наступит утро, когда я проснусь, оглянусь и пойму: теперь можно. Можно начать то, о чём давно мечтал. Можно уехать. Можно отдать время тем, кто важен. Можно перестать ждать.

Я не знал, откуда во мне эта уверенность, что такое утро обязательно придёт. Но она была. И я привык на неё опираться, как опираются на перила, не проверяя, держатся ли они.

Телефон завибрировал.

— Если не получится в ближайшее время, скажи честно. Я тогда сам что-нибудь запланирую.

Я перечитал сообщение несколько раз. В нём не было упрёка. В нём было что-то хуже упрёка: готовность обойтись без меня.

Начал печатать: *Да получится, не переживай.*

Остановился. Стёр.

— Давай на выходных обсудим.

Отправил. Брат поставил реакцию. На этом разговор закончился.

* * *

Перед сном я снова открыл календарь. Впервые за долгое время я искал в нём не часы для работы, а дни для дороги.

Четверг. Пятница. Суббота.

Три дня. Совсем немного. Ровно столько, сколько нужно, чтобы вспомнить, каково это — жить, а не готовиться к жизни.

Я записал: *Обсудить поездку с братом. Определить даты.*

Подумал и добавил: *Не переносить без серьёзной причины.*

Свет погас. В темноте снова зазвучали его слова: «Я просто скучаю по тому времени».

Наверное, он был прав. Но дело было не только в поездке. Я скучал по тому человеку, которым был тогда. По человеку, который мог однажды утром купить билет, закинуть на плечо рюкзак и пойти навстречу неизвестности, не требуя у жизни гарантий.

Я не знал, когда стал другим. Наверное, это случилось не сразу, а по капле, как вода точит камень. Сначала я перестал соглашаться на внезапные встречи. Потом начал откладывать поездки. Потом научился находить разумное объяснение почти любому отказу.

И однажды обнаружил, что у меня есть планы на всё, кроме самой жизни.

Я повернулся к стене и закрыл глаза. Завтра нужно было многое сделать. Но теперь я хотя бы знал, что не хочу больше говорить брату «когда-нибудь».

Оставалось понять, какое слово встанет на его место.

Глава 3. Старик на вокзале

Я не сразу решился купить билет.

Несколько дней подряд я открывал расписание поездов, смотрел цены, сравнивал даты и закрывал страницу. Иногда мне казалось, что решение уже принято. Потом приходила рабочая задача, звонок, бытовая мелочь, и поездка снова отступала в тень, как отступает берег, когда лодку относит течением.

Но в этот раз что-то было иначе. Может быть, дело было в разговоре с братом. А может, в том, что я впервые увидел собственные обещания со стороны. Издалека они выглядели не так убедительно, как изнутри.

В пятницу вечером брат позвонил сам.

— Ну что, путешественник, есть новости?

— Пока смотрю варианты.

— Это уже прогресс.

— Не начинай.

Он рассмеялся.

— Я серьёзно. Ты определился, куда хочешь?

На экране ноутбука была открыта карта, и несколько городов на ней светились маленькими кружками, как огни далёких деревень в ночи.

— Не совсем. Думаю начать со старого торгового города. Потом, может быть, подняться в горы. Дальше посмотрю.

— Звучит неплохо.

— А ты?

На том конце повисла пауза. Короткая, но я успел её услышать.

— Я пока не уверен, что смогу поехать. Работа, свои дела.

Я откинулся на спинку кресла.

— То есть теперь занят ты?

— Получается, да.

— Забавно.

— Ничего забавного. Я просто не хочу, чтобы ты опять ждал меня, а потом всё отменилось.

Я смотрел на карту. Кружки на ней вдруг показались мне не огнями, а дырочками, сквозь которые сквозит холодный воздух.

— Понимаю.

— Слушай, езжай, если правда хочешь. Не надо ждать, пока у нас обоих всё совпадёт. Мы ещё съездим вместе. Просто не сейчас.

«Просто не сейчас». Мои собственные слова вернулись ко мне его голосом, и я впервые услышал, как они звучат для того, кто их получает.

Мы попрощались. Я закрыл карту, но страницу с билетами оставил открытой.

* * *

На следующий день я поехал на вокзал. Всё можно было сделать через интернет, но мне хотелось хотя бы ненадолго сойти с привычной тропы между домом и работой. Иногда, чтобы сделать первый шаг, нужно просто пойти туда, где люди делают шаги каждый день.

Вокзал встретил меня своим вечным гулом. Чемоданы, объявления по громкой связи, запах кофе из маленького киоска, скрип колёсиков по плитке. Кто-то обнимался перед отправлением так крепко, будто прощался навсегда. Кто-то спорил с кассиром. Кто-то сидел на скамейке и смотрел в телефон, словно уже уехал, оставив здесь только тело.

Вокзал — единственное место, где все одновременно уезжают и прибывают. Здесь нет настоящего. Здесь есть только «откуда» и «куда».

Я подошёл к табло, уточнил время отправления и направился к кассам. Билет лёг в карман — лёгкий, почти невесомый. Странно, что вещь, которую я так долго не мог взять в руки, весила меньше листа бумаги.

Я решил выпить кофе перед возвращением. В зале ожидания почти не было мест. Я заметил свободный край скамейки у окна. На другом конце сидел пожилой мужчина.

У его ног стояла дорожная сумка из тёмной кожи, старая, но ухоженная, с потёртыми углами, которые бывают только у вещей, долго служивших одному хозяину. Тёмное пальто, серый шарф, удобные ботинки. На коленях — сложенная газета. Он смотрел на табло с тем спокойствием, с каким рыбак смотрит на воду.

Я сел, достал телефон и открыл письмо с подтверждением билета. Через минуту мужчина повернулся ко мне.

— Давно не ездили на поездах?

Я поднял голову.

— Почему вы спрашиваете?

— Вы уже третий раз смотрите на табло. Так делают либо те, кто боится опоздать, либо те, кто давно никуда не ездил.

Я улыбнулся.

— Наверное, второе.

— Тогда не переживайте. Поезда редко уходят раньше, чем написано.

— Зато опаздывать умеют.

Он усмехнулся.

— Это уже другое дело.

— Вы часто путешествуете?

— Раньше чаще. Теперь выбираю дороги покороче.

— Из-за возраста?

— Отчасти. Хотя возраст тут не главное. Просто со временем лучше понимаешь, сколько вещей тебе на самом деле нужно брать с собой.

Он поправил сумку у ног. Она была небольшой. Я подумал, что за долгую жизнь человек, вероятно, учится складывать в дорогу не вещи, а только самое необходимое. А необходимого всегда оказывается меньше, чем мы думаем.

— А вы куда направляетесь?

Я назвал город. Он кивнул.

— Хорошее место. Там ещё сохранился старый рынок у центральной площади?

— Не знаю. Как раз еду посмотреть.

— Посмотрите. Только приходите туда утром. Утром рынок дышит, а к вечеру просто устаёт.

— Вы там жили?

— Нет. Бывал по работе.

Он говорил спокойно, без желания произвести впечатление. В его голосе слышалась привычка к дорогам и к ожиданию, как у человека, который много раз стоял на перронах и знает, что поезд придёт, когда придёт.

— Вы тоже сегодня уезжаете?

— Через час. Домой.

— Далеко?

— Достаточно, чтобы успеть выпить ещё один кофе.

Он взглянул в сторону киоска.

— Хотите? Я угощаю. Только не берите тот, что с сиропом. Он больше похож на десерт, чем на кофе.

Я рассмеялся и принёс два обычных.

* * *

Мы пили молча. За стеклом стоял поезд, и рабочие в оранжевых жилетах обходили состав, простукивая колёса, будто врачи, слушающие сердце перед долгой дорогой.

— Вы давно в пути? — спросил я.

— Всю жизнь, так или иначе. Сначала работал на железной дороге. Потом занимался перевозками. Бывал в разных местах: иногда по нескольку дней, иногда по нескольку месяцев.

— Наверное, много повидали.

— Достаточно.

Он сделал глоток.

— А вы зачем едете?

Вопрос прозвучал так просто, что я растерялся. Простые вопросы всегда застают врасплох: к сложным мы готовимся заранее.

— Отдохнуть немного. Посмотреть новые места.

— Это понятно. А зачем?

— Наверное, хочу отвлечься.

— От чего?

Я пожал плечами.

— От всего.

Он кивнул, будто этот ответ был ему давно знаком.

— Хороший способ ничего не объяснять.

— Вы всегда так разговариваете с незнакомыми людьми?

— Только когда они сами начинают рассказывать о себе.

— Я пока почти ничего не рассказал.

— Вот именно.

Он улыбнулся уголком губ.

Я присмотрелся к нему внимательнее. В нём не было ничего особенного. Обычный пожилой человек коротал время в зале ожидания. Но с ним почему-то было легко говорить, как бывает легко идти по тропе, которую до тебя протоптали многие.

— Вы когда-нибудь жалели, что столько времени провели в дороге?

Он ответил не сразу.

— Иногда.

— Почему?

— Потому что дорога хороша, пока ты не начинаешь жить в ней вместо дома.

Слова упали между нами тихо, как монета на стол.

— Когда я был моложе, мне казалось, что главное — обеспечить семью, — продолжил он. — Я много работал, часто уезжал, возвращался уставшим. Думал, что всё делаю правильно. Были работа, деньги, возможность покупать детям хорошие вещи.

— И что изменилось?

— Ничего особенного. Просто однажды я заметил, что дети выросли. А я всё ещё собирался проводить с ними больше времени.

Он сказал это без надрыва, как говорят о погоде, которая уже прошла.

— Теперь они живут отдельно. У каждого своя жизнь. Я не могу сказать, что был плохим отцом. Но и не могу сказать, что всегда был рядом.

— Они обижаются?

— Иногда. Но, думаю, меньше, чем я сам на себя.

Он сложил газету и положил её рядом.

— Хотя я не люблю, когда люди превращают сожаления в оправдание. У каждого были свои причины. У меня тоже. Просто причины не возвращают время.

Я смотрел на свой стаканчик. Кофе остывал, и вместе с ним остывало что-то во мне — та самоуверенность, с которой я говорил брату «потом». Я вспомнил его усталое «хорошо» у двери.

— А вы пытались что-нибудь изменить?

— Конечно.

— Получилось?

— Иногда. Иногда нет.

Он пожал плечами.

— Не думаю, что жизнь устроена так, чтобы в конце каждого разговора человеку выдавали правильный ответ.

— Это было бы удобно.

— Очень. Особенно для тех, кто не любит принимать решения.

* * *

На табло сменились цифры. Мужчина взглянул на часы.

— У вас билет на сегодня?

— Нет. Я пока не уезжаю. Только узнавал расписание.

— Значит, ещё думаете.

— Можно и так сказать.

Он кивнул на билет, который выглядывал из кармана моей куртки.

— А что мешает?

На языке уже было привычное «обстоятельства», но я его не произнёс. Слово вдруг показалось мне чужим, взятым напрокат.

— Не знаю. Наверное, привычка всё планировать. Хочется понимать, что будет дальше.

— И как? Получается?

— Не всегда.

— Тогда, может быть, дело не в количестве планов.

— А в чём?

— Не знаю. Я ведь не спрашивал вас, когда вы в последний раз отдыхали. Я спрашивал, зачем вы едете.

Я усмехнулся.

— Вы любите задавать вопросы, на которые сложно ответить.

— Нет. Просто вы привыкли отвечать на другие.

На это мне сказать было нечего. Есть вопросы, которые не требуют ответа сразу. Они как семена: падают в землю и молчат, пока не придёт их время.

Мужчина достал очки, протёр их краем шарфа и посмотрел на табло.

— Кстати, если собираетесь в тот город, могу кое-что посоветовать. Там есть небольшая гостиница недалеко от старого рынка. Не роскошная, но чистая. Хозяин держит её давно. Я останавливался там несколько раз. Если он ещё работает, вам подойдёт.

Он достал из сумки маленький блокнот с истрёпанными уголками. На страницах были адреса и телефоны, записанные разными чернилами и, наверное, в разные годы жизни. Он нашёл нужную строчку и переписал адрес на оборот чека из-под кофе.

— Позвоните заранее. Не люблю приезжать в незнакомое место и искать жильё с чемоданом в руках.

— Вы часто там бывали?

— Несколько раз. Хороший город, если не пытаться увидеть его за один день.

Он помолчал.

— И ещё. На рынке спросите про старую чайную у южного входа. Там раньше собирались водители и перевозчики. Может, ещё жива.

— Вы и там работали?

— Бывал. В молодости я много времени проводил с людьми, которые торговали между городами. У них всегда находились истории. Иногда интереснее, чем сам товар.

Я убрал бумажку в кошелёк.

— Спасибо.

— Не за что. Только не делайте из моих советов обязательную программу. У каждого своя дорога.

* * *

Объявили посадку на его поезд. Он поднялся, поправил шарф, взял сумку.

— Ну что ж, молодой человек. Пора.

— Рад был познакомиться.

— Взаимно.

Рукопожатие было крепким, сухим и тёплым. Так пожимают руку люди, которые многое держали в руках и многое отпустили.

— Удачной поездки.

— И вам.

Он сделал несколько шагов и обернулся.

— И ещё одно. Не пытайтесь заранее прожить всю поездку у себя в голове. Иначе, когда приедете, вам покажется, что вы уже всё видели.

Я рассмеялся.

— Постараюсь не планировать каждую минуту.

— Вот и хорошо.

Он пошёл к платформе. Я смотрел, как он медленно проходит через двери, и в какой-то момент его сумка растворилась среди чужих спин, как лодка растворяется в тумане. Я сел обратно на скамейку.

Вокзал жил своей жизнью. Объявили очередное отправление. Мимо прошла семья с двумя детьми. Мальчик тянул отца за рукав и показывал на поезд с таким восторгом, будто это был не поезд, а целый мир на колёсах. Мать пыталась удержать чемодан, который всё время заваливался на бок.

Я достал чек и посмотрел на адрес. Обычный клочок бумаги. Адрес гостиницы и название чайной, которой, возможно, давно уже нет.

Но я почему-то не спешил убирать его обратно. Иногда дорога начинается не с билета, а с чужого почерка на обороте чека.

* * *

По дороге домой я снова и снова возвращался к разговору. Особенно к словам о семье.

Я представил человека, который всю жизнь строил дом для близких и однажды обнаружил, что строил его так долго, что они успели из него уйти. Мне стало не по себе.

Я подумал о брате. Может быть, когда-нибудь он тоже будет вспоминать наши поездки. Только в его воспоминаниях их будет меньше, чем могло бы быть.

Я открыл переписку. Последним было моё сообщение: «Давай на выходных обсудим».

Я набрал: *Я купил билет. Пока поеду один, но давай обязательно выберем даты для нашей поездки, когда вернусь.*

Перечитал. Добавил: *Не хочу снова откладывать.*

Отправил.

Через несколько минут пришёл ответ:

— Хорошо. Удачи тебе. И не забудь привезти что-нибудь интересное.

Я улыбнулся и посмотрел в окно. Впервые за долгое время мне не хотелось открыть календарь и проверить, всё ли я правильно рассчитал. Я просто ехал домой. А через несколько дней собирался уехать.

* * *

Вечером я разложил на кровати вещи. Несколько футболок, брюки, свитер, зарядное устройство, документы. Я открыл список и начал отмечать пункты. Потом достал бумажку с адресом и вложил её в паспорт, как закладку в книгу, которую ещё только предстоит прочесть.

На секунду я вспомнил старика. Сколько людей он встретил за свою жизнь? Сколько разговоров забыл? Сколько городов живёт в его памяти?

Я даже не узнал его имени. И, скорее всего, больше никогда его не увижу. Но его слова о времени и семье задели меня глубже, чем я ожидал. Есть люди, которые проходят через нашу жизнь, как ветер через сад: их не видно, но после них что-то начинает расти иначе.

Я выключил свет и лёг.

На этот раз завтра не казалось очередным днём, который нужно пережить. У него наконец появилось направление. Я ещё не знал, что именно ищу. Но впервые за долгое время собирался не думать об этом, а ехать.

Я собирался уехать.

Глава 4. Первый билет

В понедельник я проснулся с мыслью, что через несколько дней уеду.

Сначала она показалась мне чужой, как незнакомец, присевший на край кровати. Комната была прежней, за окном шумел всё тот же город, на телефоне уже вспыхивали рабочие сообщения. Но в календаре теперь стояла дата отправления.

Я купил билет.

Не посмотрел расписание, не сохранил варианты, не пообещал себе вернуться к вопросу вечером. Я заплатил и получил подтверждение. Иногда решение оказывается куда проще, чем долгая дорога к нему. Как прыжок в воду: страшен не прыжок, а минуты на краю.

Поезд уходил утром в четверг. До него оставалось три дня. Я подумал, что этого достаточно, чтобы подготовиться. Потом открыл рабочий календарь и понял, что подготовка будет не такой простой.

* * *

Первым делом я написал руководителю. Пока ждал ответа, успел выстроить в голове целую оборону из аргументов, словно готовился не к разговору, а к осаде.

— На сколько дней?

— На десять. Может, чуть больше, если получится договориться по задачам.

— Ты заранее предупредил?

— Да, основные вопросы закрою до отъезда.

Через несколько минут он позвонил.

— Слушай, у нас сейчас непростой период. Ты же понимаешь?

— Понимаю.

— Можно было бы перенести на следующий месяц.

Я посмотрел на билет, открытый на экране. Раньше я бы согласился. Слово «перенести» всегда было моим старым другом: оно приходило вовремя и никогда не требовало ничего взамен, кроме самой жизни.

— Я уже купил билет.

На том конце повисла пауза.

— Серьёзно?

— Да.

— Ну, тогда давай посмотрим, что можно сделать. Только подготовь всё по текущим задачам и передай незакрытые вопросы.

— Хорошо.

Разговор закончился спокойно. Никто не кричал, никто не хлопал дверью. Руководитель не держал меня, а я не доказывал, что работа ничего не значит. И всё же после звонка внутри зашевелилось знакомое беспокойство, как зверёк, которого потревожили в норе.

Я начал составлять список того, что нужно закончить до четверга. К обеду он вырос вдвое.

* * *

Вечером я позвонил брату.

— Ну что, — сказал он вместо приветствия, — уже уехал?

— Почти. Пока только мысленно.

— Это у тебя хорошо получается.

— Спасибо за поддержку.

Он рассмеялся.

— Когда отправляешься?

— В четверг утром. Дней на десять.

— Один?

— Да. Ты же сам сказал не ждать.

— Правильно. А то мы бы ещё три года собирались.

— Я всё-таки хочу, чтобы мы тоже куда-нибудь съездили вместе.

— Я знаю. Давай после твоего возвращения посмотрим даты.

— Договорились.

Я рассказал ему о городе, о гостинице, об адресе, который дал мне старик на вокзале.

— Какой старик?

— Познакомились случайно. Сидели рядом, разговорились. Он раньше работал на железной дороге, много ездил. Посоветовал несколько мест.

— И ты решил довериться незнакомцу?

— Он хотя бы не пытался продать мне экскурсию.

— Уже хороший знак.

Перед тем как попрощаться, брат сказал:

— Слушай, только не пытайся за десять дней решить всю свою жизнь.

— Почему?

— Потому что вернёшься ещё более уставшим, чем уезжаешь. И фотографии присылай.

Я положил телефон и долго сидел за столом. Мне понравилось, что он не отговаривал меня. Но я знал: его слова о нашей поездке не должны снова стать обещанием без даты. Обещание без даты похоже на письмо без адреса. Его можно носить с собой всю жизнь, но оно никогда никуда не придёт.

Я открыл календарь и поставил напоминание на день после возвращения: *Позвонить брату. Выбрать даты поездки.*

На этот раз с конкретным числом.

* * *

Во вторник я работал почти без перерыва. Закрывал документы, отвечал на письма, передавал задачи. Несколько раз ловил себя на том, что пытаюсь втиснуть в три дня работу, которую спокойно можно было растянуть на две недели. К вечеру раздражение сидело во мне, как песок в обуви.

Коллега заметил это.

— Ты чего такой напряжённый?

— Перед отпуском всегда так.

— Так ты же сам его взял.

— Именно поэтому.

Он усмехнулся.

— Я тоже так делаю. Перед отдыхом работаю за двоих, а потом приезжаю и первые два дня просто лежу.

— Звучит знакомо.

— Так, может, не надо пытаться закончить вообще всё?

— Хотелось бы.

— Не получится.

Он пожал плечами и вернулся к своему столу. А я ещё долго смотрел на документ. Потом закрыл его и составил новый список, только из того, что действительно важно.

Впервые за день список вышел коротким. Оказалось, мир не держится на моих плечах. Он держится сам по себе, а я лишь иногда воображаю, что без меня он упадёт.

* * *

В среду вечером я начал собирать вещи. Сначала выложил на кровать всё, что могло пригодиться, и через десять минут вещей стало слишком много. Я убрал две рубашки, пару

обуви и мелочи, взятые «на всякий случай». «На всякий случай» — самый тяжёлый груз в любом чемодане.

Потом достал из ящика небольшую записную книжку. Она лежала там несколько месяцев. Я покупал её для идей и мыслей, которые хотел сохранить. Первые страницы были заполнены списками: что нужно изменить, чего достичь, каким я хочу стать через пять лет. Дальше шли пустые страницы, белые, как снег, по которому ещё никто не прошёл.

На первой свободной странице я написал:

Не знаю, что именно ищу. Но хочу перестать делать вид, что у меня есть на всё время.

Фраза показалась мне немного пафосной. Я хотел её зачеркнуть. Но оставил: правда редко звучит скромно, когда произносишь её впервые.

Блокнот лёг в сумку рядом с паспортом. Документы, билет, зарядное устройство. Всё было на месте.

* * *

Ночью я долго не мог уснуть. Не от волнения. От непривычного чувства, что завтра не нужно просыпаться ради обычного рабочего дня.

Я думал о том, что оставляю. Работу, незаконченные дела, привычный маршрут, людей, которых видел почти каждый день. Мне не хотелось бежать от всего этого. Моя жизнь не была плохой. В ней были обязанности, планы и люди, которые были мне дороги.

Просто в последнее время я слишком часто жил так, будто настоящее — временная остановка перед чем-то более важным. Полустанок, на котором не стоит распаковывать вещи.

Я вспомнил старика. *Я спрашивал, зачем вы едете.* Тогда я не смог ответить. Не мог и сейчас. Но, может быть, впервые мне не нужно было знать всё заранее.

* * *

Утром я проснулся до будильника. На улице было ещё темно. Я вызвал такси, прошёлся по квартире, проверил окна, выключил свет.

Жена ещё спала. Я присел на край кровати, и она, не открывая глаз, нашла мою руку.

— Уже?

— Уже.

— Пиши мне. И не работай там.

— Постараюсь.

— Не постарайся. Просто не работай.

Она улыбнулась сквозь сон и снова отвернулась к стене. Пёс проводил меня до двери и сел у порога, как маленький сторож, которому поручили дождаться моего возвращения.

У двери я остановился. На мгновение захотелось вернуться к столу, открыть ноутбук и проверить почту. Просто убедиться, что ничего срочного не случилось. Старые привычки не уходят без прощания. Они стоят у порога и смотрят тебе вслед.

Новых сообщений не было. Я убрал телефон в карман и вышел.

* * *

На вокзале было прохладно. В зале ожидания сидели редкие пассажиры. Женщина с ребёнком укладывала вещи в сумку. Молодой парень спал, положив голову на рюкзак. Из киоска пахло кофе и свежей выпечкой, и этот запах был похож на обещание.

Я купил кофе и подошёл к табло. Мой поезд был на месте. Платформа та же, время то же. Всё шло по плану.

Я сел на скамейку и достал билет. Имя, место, время отправления. Обычный билет. И всё же я смотрел на него долго, как смотрят на ключ от двери, которую много лет не решались открыть.

Несколько дней назад я ещё искал причины перенести поездку. Теперь сидел на вокзале с сумкой у ног и ждал посадки.

Кофе был слишком горячим. Я улыбнулся.

Потом открыл блокнот. *Не знаю, что именно ищу.* Я провёл пальцем по строке. Может быть, я ждал, что однажды проснусь с ясным пониманием своего предназначения. Что появится цель, в свете которой всё станет простым.

Такого понимания не было. Была только дорога, которая начиналась через несколько минут.

Объявили посадку. Я закрыл блокнот и поднялся.

* * *

Когда поезд тронулся, я смотрел в окно. Вокзал медленно уплывал назад. Люди на платформе становились всё меньше, здания сменялись улицами, улицы — пригородными домами, словно город снимал с себя одежду слой за слоем, пока не остался совсем простым.

Пришло сообщение от брата:

— Ну что, отправился?

— Да. Уже в пути.

— Хорошей дороги. И не забудь вернуться.

— Постараюсь.

Я откинулся на спинку сиденья. Поезд набирал скорость. Я не знал, что ждёт меня впереди. С кем я встречусь, какие места увижу, изменится ли вообще что-нибудь.

Но впервые за долгое время я не собирался провести весь путь в мыслях о том, что будет потом.

За стеклом проплывали незнакомые дома, маленькие станции и мокрые после ночного дождя поля. Земля дышала паром, и над ней поднималось бледное солнце.

Я просто ехал.

И этого пока было достаточно.

Часть II. Люди, которых мы встречаем

Глава 5. Город, в котором все спешат

Поезд прибыл ближе к полудню.

Я проснулся незадолго до остановки. За окном мелькали невысокие здания, склады, полустанки, редкие дома, прижавшиеся к железной дороге, как путники к обочине. Я потянулся, взглянул на телефон и обнаружил, что почти два часа не проверял сообщения.

Странное чувство. Обычно я доставал телефон при первой возможности, даже когда ничего не происходило. Мне казалось, что я обязан что-то проверить: почту, новости, рабочие чаты. Будто мир мог исчезнуть, если я хоть на минуту перестану на него смотреть.

А теперь я просто сидел у окна и смотрел на незнакомые места. И мир никуда не исчезал.

Поезд замедлил ход. Пассажиры зашевелились: кто-то уже стоял в проходе, кто-то торопливо застёгивал куртку, кто-то стаскивал чемодан с верхней полки. Я убрал блокнот в рюкзак, проверил документы и взял сумку.

Когда двери открылись, в вагон ворвался шум вокзала, как вода врывается в шлюз.

* * *

Город оказался больше, чем я представлял.

Вокзал стоял почти в самом центре. За ним начинались широкие улицы, старые дома с балконами, стеклянные офисные здания и торговые ряды. Машины текли по перекрёсткам, автобусы причаливали к тротуарам, а люди шли так быстро, словно у каждого была своя веская причина опоздать.

Я остановился на площади перед вокзалом и достал листок с адресом, который дал мне старик. До гостиницы было минут двадцать пешком. Можно было взять такси, но я решил пройтись.

Сумка оказалась тяжелее, чем казалась дома. Вещи всегда тяжелеют в дороге, а мысли, наоборот, становятся легче. Через несколько минут я уже пожалел о такси, но возвращаться не хотелось.

Улица менялась на глазах. Шумная площадь осталась позади, магазины стали меньше, тротуары уже. Вдоль дороги стояли старые здания с потемневшими фасадами, и в их первых этажах ютились пекарни, мастерские, крошечные лавки.

Я остановился у киоска с водой.

— Далеко идёте? — спросил продавец, кивнув на сумку.

— До старого рынка.

— Тогда ещё минут десять. Только не идите по главной улице, там ремонт. Лучше через переулок.

Я поблагодарил и свернул направо.

Переулок был узким и почти пустым. На балконах сушилось бельё, у подъездов стояли велосипеды, из открытого окна доносился голос телевизора. Пахло тёплым камнем и чьим-то обедом.

Мне понравилось это место. Оно не пыталось произвести впечатление. Оно просто жило, как живут люди, которым нечего доказывать.

* * *

Гостиница помещалась в старом трёхэтажном доме. Над входом висела маленькая вывеска. Краска на двери кое-где облупилась, но окна сияли чистотой, а у порога стояли два аккуратных горшка с растениями, словно два молчаливых привратника.

Дверь открыл мужчина лет пятидесяти пяти.

— Добрый день. Вы бронировали?

— Да. На моё имя.

Он заглянул в журнал и поднял глаза.

— Есть. Проходите.

Внутри пахло свежим кофе и старым деревом. Напротив входа стояла стойка, а за ней висела фотография города, снятая, судя по всему, очень давно, когда улицы были шире, а люди медленнее.

— Впервые у нас?

— Да.

— Откуда приехали?

Я назвал свой город. Он кивнул и протянул мне регистрационную форму.

— Надолго?

— Пока на несколько дней.

— Хорошо. Завтрак с восьми до десяти. Кухня внизу открыта до девяти вечера. Если что-то понадобится, обращайтесь.

— Мне посоветовали вашу гостиницу, — сказал я, заполняя бумаги. — Пожилой мужчина. Раньше работал на железной дороге. Говорил, что останавливался у вас.

Хозяин задумался.

— Может, и знаю. У нас многие останавливались, особенно те, кто приезжал по работе. — Он посмотрел на меня внимательнее. — Вы тоже по работе?

— Нет. Просто путешествую.

— Один?

— Да.

— Тогда правильно сделали, что приехали не в сезон. Сейчас поспокойнее.

Он протянул ключ.

— Второй этаж, двенадцатый номер. Лифт не работает, но лестница несложная. И ещё: на рынке не покупайте всё у первого продавца. Сначала посмотрите цены. А то приезжают люди, видят красивые вещи и сразу достают кошелёк.

Он улыбнулся.

— Хотя, если честно, я и сам иногда так делаю.

Я рассмеялся.

* * *

Номер был маленьким, но уютным. Кровать, шкаф, письменный стол, два стула и окно во внутренний двор. На стене висела фотография старого моста через реку.

Я открыл окно и вдохнул прохладный воздух. Снизу доносились голоса, хлопнула дверь, заурчал двигатель. Чужая жизнь звучала совсем как моя, только я в ней ничего не был должен.

Я написал брату: *Доехал. Гостиница нормальная. Отдохну и пойду гулять.*

Отлично. Только поешь сначала.

Я улыбнулся и сел на кровать.

В комнате было тихо. И мне вдруг захотелось ничего не делать. Не открывать карту, не искать достопримечательности, не строить маршрут. Просто посидеть, как сидят у реки, не пытаясь её переплыть.

Было около часа дня. Впереди оставалось много времени. Впервые за долгие годы эта мысль меня не тревожила, а радовала.

* * *

Через полчаса я вышел пообедать. Хозяин посоветовал маленькое кафе на соседней улице: несколько столиков, деревянные стулья, длинная стойка у окна. Я заказал суп и чай.

За соседним столом сидели двое мужчин в деловых костюмах. Один говорил по телефону:

— Я уже выезжаю. Нет, я сказал, через десять минут. Да, понимаю.

Он закончил разговор и тут же набрал другой номер. Второй смотрел на часы, будто мог их поторопить.

Я невольно улыбнулся. Ещё неделю назад я был бы одним из них.

В углу женщина кормила маленького сына. Мальчик вертел головой, пытаясь разглядеть всё сразу, а мать просила его сидеть спокойно. Официант метался между столиками. У двери кто-то спрашивал дорогу. Город не останавливался даже за обедом. Он ел на бегу, как едят люди, которые боятся, что жизнь уйдёт без них.

Когда принесли суп, я достал блокнот и написал: *Все куда-то спешат.*

Фраза показалась мне слишком очевидной. Я зачеркнул её и написал ниже:

Интересно, сколько людей сегодня успеют сделать всё, что запланировали?

Эту я оставил.

* * *

После обеда я пошёл к старому рынку. По дороге останавливался у витрин. В одной лавке продавали посуду, в другой старые книги. На углу пожилой мужчина чинил обувь, склонившись над ботинком так бережно, будто держал в руках чью-то судьбу. Напротив молодой парень пытался продать прохожим сувениры.

Я заметил, что здесь почти никто не смотрит на дома. Люди знали дорогу и шли по привычным тропам. Они не задерживались у старых балконов и не фотографировали резные двери. Для них это был обычный день. Для меня — новый город.

И я подумал: иногда человеку нужно уехать достаточно далеко, чтобы снова научиться видеть простые вещи. Мы слепнем не от темноты, а от привычки.

Рынок встретил меня шумом. Торговцы выкрикивали цены, покупатели спорили, дети носились между рядами. Воздух был густым от запахов свежего хлеба, специй, спелых фруктов и жареного мяса. Казалось, здесь торгуют не товарами, а самой жизнью: её можно было потрогать, понюхать, попробовать на вкус.

Я медленно шёл между прилавками. Купил несколько яблок, пакетик орехов. А потом остановился у старой чайной, о которой говорил человек на вокзале.

Она действительно была. Маленькое помещение с несколькими столами и распахнутой дверью. Внутри сидели трое мужчин, один читал газету.

Значит, некоторые вещи всё-таки ждут нас.

Я вошёл и заказал чай.

* * *

Рядом остановился мужчина с пакетом продуктов.

— Свободно?

— Да, конечно.

Он сел, поставил пакет на пол и заказал чай.

— Не местный?

— Нет. Приехал сегодня.

— По работе?

— Нет. Путешествую. Один.

Он кивнул.

— Хорошее дело. Иногда полезно сменить обстановку. Я-то почти всю жизнь здесь. Раньше на рынке работал, теперь магазин держу.

Мы разговорились. Он рассказал, что рынок за двадцать лет сильно изменился: одни торговцы уехали, другие закрылись, на их месте выросли новые лавки.

— Раньше шума было больше, — сказал он. — И людей больше. Сейчас всё иначе.

— Вам нравится, как стало?

Он пожал плечами.

— Что значит нравится? Жизнь меняется. Если каждый день сравнивать её с тем, что было раньше, можно совсем перестать видеть то, что есть сейчас.

Я посмотрел на него. Он сказал это так просто, как говорят о погоде, но слова упали в меня глубже, чем он, наверное, рассчитывал.

— Давно здесь работаете?

— С девятнадцати лет. Сначала помогал отцу, потом открыл свой магазин. — Он улыбнулся. — Думал, через несколько лет разбогатею и перестану работать.

— Получилось?

— Нет. Теперь у меня два магазина, а работаю ещё больше.

Он рассмеялся.

— Зато уже не нужно каждый вечер считать, хватит ли денег на следующий месяц.

— Значит, всё-таки стало лучше.

— Конечно. Я не жалуюсь. Просто раньше мне казалось, что счастье начнётся, когда я заработаю определённую сумму. Потом сумма менялась. Потом появлялись новые цели. Горизонт, знаете, такая штука: сколько к нему ни иди, он всё время на одном расстоянии.

— А сейчас?

— Сейчас я стараюсь не пропускать воскресный обед с женой. Она сердится, когда я задерживаюсь в магазине.

Он поднялся, забрал пакет.

— Ладно, мне пора. Хорошего отдыха.

Он ушёл, а я остался с чашкой чая. Разговор был коротким, в нём не было ничего особенного. Но почему-то я вспомнил свои списки, полные целей, до которых всё время оставалось одно и то же расстояние.

* * *

Вечером я вернулся в гостиницу. Хозяин говорил по телефону и поднял руку в приветствии.

— Как город?

— Хороший. На рынке был.

— Ну и как?

— Шумный.

— Это ещё спокойно. Надо было приехать лет десять назад.

— А где здесь можно хорошо поужинать?

Он посоветовал маленькое семейное заведение на соседней улице.

— Там не очень красиво, но готовят хорошо. Передайте привет хозяину, он мой старый знакомый.

Я поднялся к себе, немного полежал, потом открыл блокнот и на странице с зачёркнутой фразой написал:

Человек может всю жизнь идти к цели и однажды обнаружить, что уже не помнит, зачем начал.

Запись напомнила мне мужчину из чайной. Он не выглядел несчастным. У него было своё дело, семья, привычная жизнь. Он не говорил, что всё сделал неправильно. Просто иногда ему хотелось провести воскресный обед с женой, не думая о магазине.

Иногда самое большое желание человека совсем маленькое. Просто до него никак не доходят руки.

* * *

Вечером город преобразился. Улицы наполнились мягким светом фонарей, магазины гасли один за другим, а кафе, наоборот, разгорались, как угли под пеплом. За окнами ресторанов люди разговаривали за ужином.

Заведение, которое посоветовал хозяин, оказалось неприметным: небольшой зал, простая мебель, а за стойкой мужчина, который, судя по всему, был здесь и поваром, и официантом. Я заказал ужин и сел у окна.

За соседний столик пришла пара. Мужчина почти сразу уткнулся в телефон. Женщина пыталась что-то ему рассказать. Он кивал, не поднимая глаз. Её голос становился всё тише, пока совсем не растворился, как свет фонаря в тумане.

Я отвернулся. Не потому, что хотел осудить незнакомцев. Просто эта картина была мне слишком знакома. Я тоже иногда слушал близких, не отрываясь от экрана. Самое одинокое место на свете — это стол на двоих, за которым один из двоих отсутствует.

Телефон завибрировал.

— Как тебе город? — спрашивал брат.

Я сфотографировал улицу через окно и отправил.

— Неплохо. Здесь все куда-то бегут, даже на рынке.

— А ты?

Я посмотрел на сообщение. Потом на улицу. Ответ нашёлся не сразу.

— Пока учусь не бежать.

Он прислал смеющийся смайлик. Я положил телефон экраном вниз.

* * *

Когда я вернулся, было уже поздно. Хозяин закрывал дверь.

— Хорошо погуляли?

— Да. Спасибо за совет с ужином. Очень понравилось.

Он погасил свет в коридоре, оставив лишь маленькую лампу у стойки. Она светила, как маяк для тех, кто ещё не вернулся.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

В номере я подошёл к окну. Внизу шёл мужчина с пакетом. У соседнего дома прощались двое молодых людей. Такси остановилось у магазина. Город затихал медленно, как море после шторма.

Я перечитал записи за день. Они были короткими и местами неуклюжими.

Человек может всю жизнь идти к цели и однажды обнаружить, что уже не помнит, зачем начал.

Интересно, сколько людей сегодня успеют сделать всё, что запланировали?

Сегодня я не узнал ничего, что перевернуло бы мою жизнь. Не встретил мудреца с готовым ответом. Не услышал истории, после которой всё стало бы ясно. Я просто бродил по незнакомому городу, разговаривал с людьми и смотрел на них.

И впервые за долгое время мне не хотелось, чтобы день поскорее закончился.

Я выключил свет. Завтра я снова собирался выйти на улицу. Но теперь мне хотелось не только посмотреть город. Мне хотелось понять людей, которые в нём живут.

Глава 6. Чужая жизнь

Утром я проснулся раньше будильника.

За окном уже звучали голоса. Во дворе кто-то передвигал ящики, хлопнула металлическая дверь, с улицы донёсся вздох тормозящего автобуса. Город просыпался не сразу, а частями, как просыпается большое животное: сначала шевелится хвост, потом лапы, и только потом открываются глаза.

Дома в это время я уже проверял бы телефон, мысленно составлял список дел и тревожился, что ещё ничего не успел. Здесь меня ждал обычный день, в котором не было ни одной обязательной встречи. Это было похоже на чистый лист, и я не сразу понял, что с ним делать.

В маленьком зале для завтраков сидели несколько человек. Пожилая пара делила тарелку с фруктами, передавая друг другу дольки так естественно, будто делали это всю жизнь. У окна мужчина читал новости на планшете. Хозяин стоял у кофемашины.

— Доброе утро. Сегодня снова на рынок?

— Возможно. Пока не решил.

— Тогда сначала позавтракайте. Решения на голодный желудок редко бывают хорошими.

Завтрак был простым: хлеб, сыр, яйца, овощи, кофе. Я ел медленно и смотрел на людей вокруг. Никто не пытался сделать из завтрака событие. И в этой простоте было что-то, чего мне давно не хватало: еда была едой, утро — утром, и ничто не притворялось ступенькой к чему-то большему.

* * *

Я пошёл в сторону делового квартала.

Вчерашний рынок был шумным и немного хаотичным, как разговор старых друзей. Здесь всё было иначе: стеклянные фасады, широкие тротуары, строгие входы в офисные здания, люди в тёмных костюмах. Стекло отражало небо, и казалось, будто здания прячут за этим отражением собственные лица.

Я зашёл в маленькую кофейню у одного из зданий, сел у окна и достал блокнот. Писать не хотелось.

Через несколько минут вошёл мужчина лет сорока. Хорошо одетый, он говорил по телефону и одновременно доставал из портфеля бумаги. Заказал кофе, не прерывая разговора, и сел за соседний столик.

— Нет, это не обсуждается. Мы должны закрыть сделку до конца недели. — Пауза. — Я понимаю, что команда устала. Но другого варианта у нас нет.

Он положил телефон рядом с чашкой и несколько секунд смотрел в окно. В эти секунды его лицо было совсем другим: без брони, без голоса, без сделки. Потом телефон зазвонил снова. Он взглянул на экран и вздохнул.

— Да, пап. Нет, я не забыл. Конечно, помню. — Пауза. — Пап, я сегодня не смогу. Давай в выходные. — Ещё одна пауза. — Хорошо. Я позвоню.

Он откинулся на спинку стула. Он выглядел уставшим, но не так, как выглядит человек после бессонной ночи. Скорее так, будто давно разучился замечать собственную усталость, как перестают слышать часы, которые тикают в комнате много лет.

Когда я собирался уходить, то случайно задел сумкой ножку его стула.

— Извините.

— Ничего страшного. — Он поднял на меня глаза. — Путешествуете?

— Да.

— Удачное время выбрали. Туристов сейчас мало.

Я уже шёл к выходу, когда услышал:

— Надолго приехали?

— Пока не знаю. На несколько недель, наверное.

— Хорошо. Иногда полезно уехать.

Он произнёс это ровно, как говорят о погоде. Но в голосе было что-то, похожее на окно, которое долго держали закрытым.

— Вам тоже не помешало бы? — спросил я.

Он усмехнулся.

— Мне бы хотя бы один день без телефона. Садитесь, если не торопитесь. Я жду встречу, есть ещё пять минут.

Я вернулся к столику.

* * *

Его звали Марк. Он руководил крупной торговой компанией, работавшей в нескольких регионах. Начинал с небольшой должности, поднимался ступенька за ступенькой, а последние годы отвечал за развитие всего бизнеса.

— Давно этим занимаетесь?

— Почти двадцать лет.

— Нравится?

Он посмотрел на меня с лёгким удивлением.

— Неожиданный вопрос. Обычно спрашивают, хорошо ли я зарабатываю.

— И хорошо?

— Достаточно, чтобы не жаловаться. — Он отпил кофе. — А нравится ли мне? Не знаю. Когда-то нравилось.

— Что изменилось?

Он задумался.

— Наверное, я. Или я просто перестал помнить, зачем вообще этим занимаюсь.

Он говорил спокойно, без жалобы.

— Мой отец всю жизнь проработал на обычной должности. Денег хватало на самое необходимое, и не больше. Он хотел, чтобы у меня была другая жизнь. Говорил: получи хорошее образование, найди серьёзную работу, стань человеком, которого уважают.

— И вы сделали всё это?

— Даже больше, чем он ждал. Образование, карьера, своя квартира, машина, компания. Всё как положено.

— Но?

— Но иногда я думаю, что большую часть жизни доказывал отцу, что он зря во мне сомневался.

— Он сомневался?

— Не совсем. Скорее боялся, что я повторю его путь. Он хотел для меня лучшего, и я благодарен ему. — Марк помолчал. — Только теперь я не уверен, что хоть раз спросил себя, чего хочу сам.

Эти слова легли на стол между нами, как ключ, который кто-то долго носил в кармане, не зная, от какой он двери.

* * *

Встреча задерживалась. Марк взглянул на часы, но звонить не стал.

— У вас есть дети? — спросил я.

— Дочь. Ей шестнадцать.

— Общаетесь?

— Конечно.

Он ответил слишком быстро, будто вопрос был странным.

— Мы живём вместе. Но в последнее время она всё чаще говорит, что я постоянно занят.

— А вы?

— Я постоянно занят. — Он усмехнулся. — Звучит не слишком убедительно, когда произносишь это вслух.

— Может быть, она просто хочет быть с вами чаще.

— Я знаю. — Он провёл рукой по лицу. — Недавно она попросила отвезти её на соревнования. Я обещал. Потом возникла встреча, которую нельзя было перенести, и я отправил водителя.

— Она поехала?

— Да. Но вечером почти со мной не разговаривала. Я объяснил причину. Она сказала, что понимает. — Он посмотрел в чашку. — Самое неприятное, что она действительно понимает. Она уже привыкла.

Я не знал, что ответить. Есть слова страшнее упрёка, и «я привыкла» — одно из них. Упрёк ещё надеется. Привычка уже нет.

Мне вспомнился брат: его сообщения, наши разговоры, обещанная поездка. Я тоже умел объяснять, почему сегодня не получится. Иногда объяснение было разумным. Иногда обстоятельства и правда были сильнее меня. Но когда таких обстоятельств становится слишком много, жизнь начинает состоять только из причин, по которым тебя нет рядом.

— Вы ведь не считаете свою работу чем-то плохим? — спросил я.

— Нет. Я люблю своё дело. Люблю создавать, договариваться, видеть результат. Я не хочу всё бросить и уехать в деревню. — Он улыбнулся. — Не думайте, что я мечтаю стать другим человеком. Просто, кажется, я давно не пересматривал, что для меня важнее.

В кофейню вошёл молодой мужчина и направился к нам.

— Марк, добрый день. Простите за опоздание.

Марк поднялся.

— Ничего. Познакомьтесь, это… — Он посмотрел на меня. — Простите, я даже не спросил, как вас зовут.

— Илан.

— Илан путешествует. А мы, к сожалению, возвращаемся к работе.

У двери он обернулся.

— Удачного путешествия. И не пытайтесь всё время превращать его в поиск ответов.

— Постараюсь.

* * *

Я ещё долго сидел в кофейне.

Марка нельзя было назвать несчастным. У него была хорошая работа, деньги, семья, возможности. Он не жаловался на судьбу и не винил отца. И всё же в его словах было что-то знакомое, как мелодия, которую слышал когда-то в детстве и не можешь вспомнить, откуда.

Я открыл фотографии. Мы с братом у маленького озера, несколько лет назад. Мы тогда выбрались за город почти без подготовки, взяли еду и воду и пошли гулять. Заблудились, спорили из-за дороги, смеялись над тем, что телефон не ловит сеть. У нас не было никакого плана. Мы просто хотели провести день вместе.

После той поездки было много разговоров о следующей. Горы. Море. Другой город. Потом пришла работа. У брата были свои дела, у меня свои. Мы продолжали обсуждать поездки, но почти никогда не возвращались к ним всерьёз. Мечты, о которых только говорят, постепенно превращаются в рассказы о мечтах.

Я погасил экран.

Может быть, я тоже строил жизнь вокруг того, каким должен стать, и слишком редко замечал, кем уже был.

Мысль мне не понравилась. Она казалась несправедливой к моим усилиям. Я ведь не просто так работал, не просто так ставил цели. Я хотел свободы, возможностей, будущего. Но

однажды будущее стало занимать в моём доме так много места, что настоящему негде было сесть.

* * *

Я вышел и пошёл вдоль делового квартала. У входа в одно из зданий стояла группа сотрудников. Они смеялись, кто-то курил, один рассказывал что-то так увлечённо, что остальные перебивали его и смеялись ещё громче.

Чуть в стороне стоял Марк. Он снова говорил по телефону, но на этот раз не о работе.

— Да, я помню. Нет, сегодня постараюсь приехать раньше. — Он слушал. — Хорошо. Тогда до вечера.

Он убрал телефон в карман. Меня он не заметил. Через несколько секунд к нему подошёл коллега, и они вместе скрылись за стеклянными дверями, которые отразили их и небо над ними.

Я не знал, приедет ли он сегодня раньше. Но мне хотелось верить, что приедет.

* * *

В гостиницу я вернулся ближе к вечеру.

— Как день? — спросил хозяин.

— Познакомился с одним человеком.

— Хорошим?

— Не знаю. Пока только поговорили.

— Значит, ещё не успели испортить впечатление друг о друге.

Я рассмеялся и поднялся к себе. Сел за стол, открыл блокнот и долго смотрел на пустую страницу. Потом написал:

Можно прожить жизнь, исполняя ожидания людей, которые желали тебе добра, и однажды обнаружить, что почти не знаешь собственных желаний.

На этот раз я не зачеркнул фразу. Но и делать из неё вывод не стал.

Мне было понятно, почему Марк выбрал свою дорогу. Отец хотел дать сыну то, чего не смог дать себе. Марк не хотел его разочаровать, и, может быть, именно это желание подняло его так высоко. Было бы слишком просто сказать, что он должен был поступить иначе. Нельзя отделить человека от тех, кто его вырастил, от обстоятельств, в которых он рос, от ответственности, которую он взял на себя. Дерево не выбирает почву, в которой проросло.

Но, наверное, однажды каждый должен задать себе вопрос: где кончается благодарность близким и начинается жизнь, которую ты выбираешь сам?

Я вспомнил отца, его привычки, его разговоры о стабильности. Вспомнил мать, которая всегда тревожилась, если я долго не отвечал. Они тоже хотели для меня хорошего, и я ни разу в этом не усомнился. Но разве любовь к близким означает, что нужно прожить ту самую жизнь, которую они считают правильной?

Я не знал. В тот вечер ответа не нашлось.

* * *

Перед сном я открыл телефон. Несколько рабочих уведомлений. Я прочитал первые строки и заблокировал экран.

Раньше я обязательно ответил бы. Объяснил бы, что уже занимаюсь вопросом, пообещал бы разобраться утром, может быть, даже начал бы что-то делать прямо сейчас. Сегодня я оставил это до завтра. Не потому, что работа стала неважной. Просто мне хотелось хотя бы один вечер не отдавать ей целиком.

Я лёг. За окном проехала машина, в соседнем номере кто-то засмеялся, потом всё стихло.

Я думал о Марке, о его отце, о дочери, которая уже привыкла к пустому месту на трибуне. И о себе. Я всё ещё хотел многого: создать что-то значимое, добиться успеха, помогать близким, не зависеть от обстоятельств. Я не собирался отказываться от этих желаний.

Но впервые задумался: если однажды я получу всё, к чему стремлюсь, кто будет стоять рядом со мной в этот момент? И узнают ли эти люди меня настоящего, если все эти годы я буду слишком занят тем, чтобы стать кем-то другим?

Ответа не было.

Завтра я снова собирался выйти в город. Но теперь мне хотелось говорить с людьми не о том, чего они добились. Мне хотелось узнать, что они оставили ради этого на обочине.

Глава 7. Дорога в горы

Утром меня разбудил дождь.

Он стучал по подоконнику, стекал по стеклу и время от времени наливался силой, словно кто-то наверху опрокидывал вёдра прямо над гостиницей. Улица блестела. Прохожие жались под навесами, машины ползли, как жуки по мокрому листу. На той стороне улицы мужчина боролся с зонтом, который ветер вывернул наизнанку.

Я улыбнулся. Погода явно не собиралась спрашивать моих планов. Она никогда их не спрашивала. Просто дома я редко это замечал: между мной и небом всегда были крыша, машина и офис.

На завтрак я спустился позже обычного. Хозяин уже убирал со столов.

— Сегодня дождь.

— Заметил.

— В горы собираетесь?

— Откуда вы знаете?

— Вчера спрашивали, как добраться до автобусной станции. Отсюда люди едут либо на рынок, либо в горы. — Он взглянул в окно. — Позвоните на станцию. После такого дождя автобусы иногда задерживаются.

Со второго раза мне ответили: автобус по расписанию, но возможна задержка из-за дороги.

— Сколько ждать?

— Пока неизвестно.

Хозяин поставил передо мной чашку кофе.

— Не торопитесь. Горы никуда не денутся.

— Надеюсь, автобус тоже.

Он рассмеялся.

* * *

К десяти дождь почти выдохся. Я собрал вещи, рассчитался и попрощался с хозяином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.